

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель данного исследования — выяснить место и значение праздного класса как экономического фактора в жизни современного общества. Однако практически оказалось невозможным сузить рассмотрение этого вопроса, строго придерживаясь таким образом намеченных границ: какое-то внимание по необходимости уделяется происхождению и истории развития института праздного класса, а также тем характерным чертам общественной жизни, которые обычно не причисляются к чертам экономическим.

Некоторые моменты изложения развиваются на основе тех данных экономической теории или обобщенных фактов этнологии, которые могут оказаться в какой-то степени незнакомыми читателю. Вводная глава в общих чертах раскрывает природу этих теоретических предпосылок — достаточно, как мы надеемся, для того, чтобы избежать неясности изложения. Принятая нами теоретическая позиция в более явном виде излагается в ряде статей, опубликованных в четвертом томе «Америкэн джорнэл оф социолоджи» под рубриками «Инстинкт мастерства и изнурительность труда», «Истоки собственности» и «Статус женщин в эпоху варварства» (*American Journal of Sociology*, «The Instinct of Workmanship and the Irsomeness of Labour», «The Beginnings of Ownership», «The Barbarian Status of Women»). Однако содержание книги не основывается лишь на этих — отчасти непривычных — выводах таким образом, чтобы

она совсем утратила свою возможную ценность как часть экономической теории в том случае, если бы эти непривычные выводы оказались в представлении читателя недостаточно обоснованными или недостаточно авторитетными.

Отчасти из соображений удобства, отчасти в силу того, что не столь велика возможность неправильного понимания тех явлений, которые знакомы всем людям, для иллюстрации или для подкрепления теоретических выводов взяты непосредственно наблюдаемые или общеизвестные факты преимущественно из повседневной жизни, а не из малоизвестных и более далеких источников. Надо надеяться, что ни у кого из читателей не возникнет ощущения неуместности с литературной или научной точки зрения такого обращения к обыденным фактам или того вольного, как может казаться временами, оперирования примитивными явлениями или явлениями, которые в силу их сокровенного места в жизни людей нередко оказывались недоступными для рассмотрения с экономической точки зрения.

Теоретические предпосылки и подкрепленные фактами свидетельства, приводимые из более далеких источников, как и любые теоретические положения или выводы, заимствованные из этнологии, также относятся к наиболее известным и доступным, и достаточно начитанные люди должны легко определять соответствующие источники. В книге поэтому не соблюден обычай ссылаться на документы и авторитетные издания. Таким же образом немногочисленные цитаты обычно узнаются достаточно легко без указания источника цитирования и приводятся большей частью для иллюстрации.

ГЛАВА I

Вводная

Институт праздного класса получает свое наивысшее развитие на более поздней стадии существования варварской культуры, например в феодальной Европе или феодальной Японии. В таких обществах различия между классами соблюдаются очень строго и характерной чертой классовых особенностей, имеющей паразитическое экономическое значение, является различие между видами деятельности, подходящими отдельным классам. Верхние слои общества, по обычаю, освобождаются от занятий в производстве или остаются от них в стороне, за ними закрепляются известные занятия, которые считаются «почетными». Главным среди почетных занятий является военное дело, а второе место после него обычно занимает священнослужение. Если общество на ступени варварства не отличается воинственностью, функция священнослужителя может выдвигаться на первое место, отодвигая на второй план «ратную функцию». С незначительными исключениями соблюдается правило: верхние слои общества, будь то воины или священнослужители, не заняты производственной деятельностью, и эта незанятость есть экономическое выражение их высокого положения. Индия браминов представляет собой яркий пример общества, где эти два класса не заняты в производстве. В обществах, относящихся к стадии позднего варварства, наблюдается значительное расслоение на подгруппы той социальной группы, которую можно обобщенно назвать

«праздным классом»; между этими подгруппами существует также дифференциация по видам деятельности. Праздный класс в целом включает в себя представителей знати и священнослужителей вместе с многочисленным их окружением. Соответственно разнообразны и занятия среди этого класса, но они имеют общую экономическую черту — непроизводительный характер деятельности. Эти непроизводительные виды деятельности высшего класса можно грубо разделить на следующие сферы: управление, военное дело, религия, спорт и развлечения.

На относительно ранних, однако не начальных стадиях варварства праздный класс находится в менее дифференцированном состоянии. Ни классовые различия, ни различия между сферами деятельности праздного класса еще не являются столь дробными и запутанными. На примере жителей островов Полинезии, в общем, хорошо прослеживается этот этап развития, за тем исключением, что из-за отсутствия на островах крупной дичи охота обычно не занимает в их жизненном укладе почетного места. Яркий пример дает также жизнь общества в Исландии, запечатленная в сагах. В таком обществе существуют строгие различия между классами и занятиями, присущими каждому классу. Ручной труд, производство и все, что непосредственно связано с ежедневным трудом по добыванию средств к существованию, — всем этим занимаются исключительно низшие слои. Эти последние включают в себя рабов и других зависимых людей, к которым относятся обычно и все женщины. Если аристократия делится на несколько ступеней, то женщины высшего ранга обычно освобождаются от производственной деятельности или по меньшей мере от наиболее грубых видов ручных работ. Мужчины высших слоев общества не только освобождаются, но, по предписывающему обычаю, не допускаются ни к какому участию в производстве. Сфера их занятий строго ограничена. Как уже отмечалось, на более высокой ста-

дии развития общества это — правительственная, военная, религиозная служба, спорт и развлечения. Эти четыре направления определяют образ жизни высших слоев, а для высочайшего ранга — вождей и королей — они являются единственными видами деятельности, которые допускаются обычаем или здравым смыслом членов общества. В самом деле, там, где эта система хорошо развита, даже спорт и развлечения не считаются безусловно оправданными занятиями для членов самого высшего слоя общества. Для более низких слоев праздного класса возможны некоторые другие виды деятельности, но это те ее виды, которые являются вспомогательными для одного или другого из типичных занятий праздного класса. Таковыми являются, например, изготовление оружия, военного снаряжения, военных каное и уход за ними, содержание и дрессировка собак, лошадей, ястребов, подготовка утвари для богослужения. Низшие слои не допускаются к этим второстепенным видам почетной деятельности, за исключением тех из них, которые носят явно производственный характер и лишь отдаленно связаны с типичными занятиями праздного класса.

Если мы сделаем шаг назад и перейдем на более раннюю ступень эволюции варварской культуры, мы уже не найдем вполне оформившегося праздного класса. Но эта низшая ступень варварства демонстрирует те обычаи, причины и обстоятельства, из которых возник праздный класс, и в общих чертах показывает ранние этапы его становления. На примере кочующих охотничьих племен в различных частях света можно проследить эти менее сложные фазы дифференциации общества. В качестве примера подходит любое племя охотников Северной Америки. Едва ли можно утверждать, что у этих племен праздный класс имеет установившиеся границы. Существует разделение функций, и на основе этого разделения — различие между классами, однако освобождение от труда класса, стоящего выше других, не за-

шло так далеко, чтобы к нему было вполне применимо название «праздный класс». У племен, которые можно отнести к этому уровню развития, экономическая специализация доведена до такой степени, когда начинают заметно различаться занятия мужчин и женщин, и это различие носит характер противопоставленности. Почти во всех этих племенах за женщинами, по предписывающему обычаю, закрепляются те виды деятельности, из которых на следующем этапе развиваются формы собственно производственных занятий. Мужчины освобождаются от этой грубой деятельности и оставляют за собой войну, охоту, развлечения и соблюдение обрядов благочестия. В этих занятиях различия видны очень хорошо.

Такое разделение труда соответствует различиям между работающим и праздным классами, как оказывается и на более высших ступенях развития варварства. По мере специализации производства и размежевания по видам деятельности возникает соответствующая разграничительная линия, отделяющая производственную деятельность от непроизводственной. Занятия мужчин, какими они являются на ранних стадиях варварства, не становятся первоосновой, из которой впоследствии развивается какая-либо осязаемая часть производственной деятельности. В дальнейшем эти занятия остаются в сферах, которые не причисляются к производственной деятельности, — война и политика, спортивные состязания, образование, богослужение. Единственными заслуживающими внимания исключениями являются отчасти рыбный промысел, а также определенная деятельность, которую нельзя безоговорочно отнести к производственной, такая как изготовление оружия, игрушек и предметов для занятий охотой и спортом. Практически весь ряд производственных видов деятельности развивается на основе того, что в обществе, находящемся на стадии варварства, попадает в разряд женской работы.

На низших этапах эволюции общества в эпоху варварства работа мужчин не менее необходима для жизни группы, чем работа, выполняемая женщинами. Возможно даже, работа мужчин вносит такой же большой вклад в добывание пищи и других необходимых для группы предметов потребления. В самом деле, «производственный» характер работы мужчин так очевиден, что в традиционных трудах по экономике охота считается типичным образцом первобытной производственной деятельности. Но не так обстоит дело в представлении самого охотника первобытного общества. В его собственных глазах он не работник, и в этом отношении его нельзя ставить в один ряд с женщинами и его труд нельзя приравнивать к нудной работе, выполняемой женщинами, как работу или производственную деятельность в том смысле, что непозволительно путать его усилия с усилиями последних. В эпоху варварства в любом обществе присутствует глубокое понимание неравенства между работой мужчин и работой женщин. И хотя работа мужчины может способствовать поддержанию жизни группы, но она воспринимается как деятельность, связанная с обладанием определенным мастерством и силой, которые нельзя, не умаляя их достоинств, даже сравнивать с унылым усердием женщин.

При следующем шаге вниз по лестнице эволюции, на стадии диких групп, разделение труда становится еще менее сложным, а вызывающие зависть различия между классами и видами деятельности — менее последовательными и жесткими. Трудно найти явные примеры первобытной культуры в настоящее время. Мало в каких группах или общностях, которые причисляют к «диким», не обнаруживается признаков отхода от более высоких ступеней развития. Однако существуют племена, которые с некоторой степенью точности воспроизводят — в ряде случаев явно не в результате регресса — черты первобытного дикарства. Их культура отличается от варварских сообществ отсутствием празд-

ных классов, а также — в значительной степени — и того предубеждения или духовной позиции, на которой покоится институт праздного класса. Эти общности первобытных дикарей, где нет никакой экономической иерархии слоев, составляют лишь малую, незаметную часть человеческой расы. Лучший из имеющихся примеров этого этапа эволюции — племена *of the Andamans* или *the Todas of Nilgiri Hills*. Для уклада жизни этих племен во времена их ранних контактов с европейцами было, по-видимому, характерно почти полное отсутствие праздного класса. В качестве дальнейших примеров можно привести племена айну и с меньшей степенью уверенности некоторые племена бушменов и эскимосов. В тот же класс, но уже без особой уверенности, следует включить некоторые поселения индейцев. Многие, если не все из названных общностей вполне могут оказаться случаями вырождения более развитого варварства, а не носителями такой культуры, которая никогда не поднималась выше своего настоящего уровня. Если это так, то на это нужно делать скидку, помня о целях нашего исследования, но тем не менее эти народности могут служить свидетельством в пользу того же вывода, как если бы они действительно представляли собой «первобытное» население.

Эти общности, где нет сложившегося института праздного класса, похожи друг на друга рядом общих черт их социального устройства и образа жизни. Это — малые группы с простым (архаичным) устройством; обыкновенно они миролюбивы и оседлы; они бедны; их индивидуальная собственность не является преобладающей чертой в системе экономических отношений. В то же время отсюда не следует ни то, что это самые малые из существующих общностей, ни то, что их социальная структура во всех отношениях менее дифференцирована; не обязательно в этот класс включаются все находящиеся на первобытном уровне общности, у которых нет сложившейся системы индивидуаль-

ной собственности. Но нужно заметить, что этот класс включает наиболее миролюбивые — возможно, миролюбие является их характерной чертой — первобытные группы людей. В самом деле, из черт, общих для членов таких общностей, наибольшего внимания заслуживает некая дружелюбная беспомощность при столкновении с силой или обманом.

Свидетельства, предоставляемые обычаями и чертами культуры общностей, находящихся на низкой ступени развития, указывают, что институт праздного класса появляется постепенно во время перехода от первобытного дикарства к варварству или, точнее, во время перехода от миролюбивого к последовательно воинственному укладу жизни. Условиями, очевидно необходимыми для его появления, являются: 1) у общности должен быть хищнический уклад жизни (война или охота на крупную дичь или и то и другое), т. е. мужчины, составляющие в этих случаях зарождающийся праздный класс, должны усвоить привычку причинять ущерб силой и хитростью; 2) средства для поддержания жизни должны доставаться на достаточно легких условиях с тем, чтобы можно было освободить значительную часть общества от постоянного участия в труде по заведенному распорядку. Институт праздного класса развивается из возникшего ранее разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды почетны, а другие — нет. При этом древнем разграничении почетными видами занятий являются те, которые можно отнести к разряду доблестной деятельности, непочетными — те необходимые повседневные занятия, которые никакого ощутимого элемента доблестной деятельности не содержат.

Это разграничение не имеет большого значения в современном промышленном обществе и вследствие этого лишь слегка затрагивается на страницах трудов по экономике. С точки зрения современного здравого смысла, направлявшего развитие экономической мысли, это

разграничение кажется формальным и несущественным. Но даже в наши дни оно продолжает упорно сохраняться в виде банального предрассудка, о чем свидетельствует, например, наше привычное отвращение к лакейским видам занятий. Это — разграничение личного порядка, разграничение превосходства и подчинения. На ранних ступенях развития цивилизации, когда личная сила одного человека имела более непосредственное и очевидное значение, элемент доблести высоко ценился в укладе повседневной жизни. Это обстоятельство в большей степени, чем что-либо другое, являлось средоточием жизненного интереса. В результате любое различие, развивающееся на этой почве, казалось важнее и значительнее, чем оно кажется сегодня. Как факт в ходе эволюции общества это различие, следовательно, является существенным и покоится на достаточно веских и убедительных основаниях.

Основание для привычного различения каких-либо фактов меняется вместе с изменением привычной точки зрения на эти факты. Характерными и существенными являются те черты рассматриваемых фактов, которые приобретают значимость в свете преобладающих потребностей времени. Для всякого, кто привык смотреть на данные факты с иной точки зрения, любое конкретное основание для различения этих фактов будет казаться несущественным. Привычка различать и классифицировать цели и направления деятельности везде и во всем преобладает над необходимостью, ибо без этого не обходится выработка рабочей теории общественной жизни, как и самой системы жизни общества. Отдельная точка зрения или отдельный характерный признак, который выбирается для классификации фактов в качестве отличительного признака, зависит от интересов, из которых исходит человек в поисках различия между фактами. Следовательно, с развитием культуры постепенно меняются основания и критерии классификации фактов, ибо изменяется аспект обобщения и по-

нимания фактов и в результате также меняется точка зрения. Так что те признаки деятельности или черты социального слоя, которые воспринимаются как характерные и решающие на одной ступени развития культуры, не сохраняют того же относительного значения на любом последующем этапе.

Но изменение норм и смещение точек зрения происходит постепенно, редко приводя к ниспровержению или полному отрицанию однажды принятой позиции. По привычке все еще проводится различие между производственными и непроизводственными занятиями, и это сегодняшнее различие является преобразованной формой различия периода варварства между доблестным трудом и нудной работой. Такие виды деятельности, как военное дело, политика, богослужение и спортивные состязания, воспринимаются обществом как занятия, по своей сути отличные от труда, который связан с производством материальных средств существования. Точная разграничительная линия проходит не там, где она проходила в укладе раннего варварства, но общее различие не вышло из употребления.

Сегодня это подразумеваемое различие, диктуемое здравым смыслом, в сущности означает, что любые усилия следует считать производственными лишь до той поры, пока их конечной целью является пользование вещами, а не людьми. Принудительное использование человеком человека не воспринимается как производственная функция, но всякие усилия, направленные на улучшение человеческой жизни посредством извлечения выгоды из вещного окружения человека, попадают в разряд производственной деятельности. Те экономисты, которые лучше других сохранили и развили классическую традицию, считают критерием производственной деятельности «власть человека над природой». Эта власть производства над природой понимается как власть человека над жизнью животных и над всеми стихийными силами. Таким образом, проводится граница между человеком и неразумным миром.

В иные времена и среди людей, полных предрассудков, эта граница пролегла не совсем там, где мы проводим ее сегодня. В укладах жизни первобытного или варварского общества она проводится в другом месте и другим образом. Во всех обществах во времена варварской культуры живет недремлющее чувство контраста между двумя обширными группами явлений, в одну из которых варвар включает самого себя, а во вторую — свой провиант. Между экономическими и неэкономическими явлениями ощущается противоположность, но понимается она не так, как сегодня: противопоставляются не человек и неразумный мир, а одушевленное и инертное.

Может быть, в наши дни излишняя предосторожность разъяснять, что понятие варварской культуры, которое мы намереваемся передать словом «одушевленный», не идентично тому, которое можно передать словом «живой». Слово «одушевленный» не охватывает все живое, но в то же самое время включает в себя весьма много других предметов. Такие удивительные явления природы, как грозы, болезни, водопады, считались «одушевленными», тем не менее плоды и травы, а также не очень заметные животные и насекомые, например мухи, личинки, мыши, овцы, обыкновенно не воспринимались как «одушевленные», кроме тех случаев, когда они понимаются собирательно.

Под этим термином в том смысле, в каком он здесь употребляется, не обязательно подразумевается наделение душой или духом. Это понятие включало в себя такие вещи, которые в анимистическом понимании дикаря или варвара грозны по причине действительного или приписываемого им свойства первыми начинать враждебные действия. Эту категорию составляет большое число разнообразных естественных предметов и явлений. Такое разграничение инертного и активного все еще присутствует в образе мышления ограниченных людей и находит глубокое отражение в распространен-

ных представлениях о человеческой жизни и природных процессах, но оно не распространяется на нашу жизнь до той степени и с теми далекоидущими практическими последствиями, которые обнаруживаются на ранних ступенях развития культуры и истории верований.

Уму варвара обработка и использование того, что может дать инертная природа, представляется деятельностью совершенно другого рода, нежели при столкновении с «одушевленными» вещами и силами. Граница может быть размытой и подвижной, но это общее различие является достаточно реальным и веским, чтобы оказывать влияние на уклад жизни общества в эпоху варварства. Классу вещей, понимаемых как одушевленные, воображение варвара приписывает развертывание каких-либо целенаправленных действий. Именно эта телеологически понимаемая активность и делает любой предмет или явление «одушевленным». Всякий раз, когда неразумный дикарь или варвар встречается с действиями, которые являются для него серьезным препятствием, он истолковывает их с точки зрения единственно доступных ему представлений о его собственных поступках. Активность, таким образом, связывается с человеческими действиями, и активные предметы в той же мере уподобляются человеку как агенту действия. Явления такого характера, особенно те, которые «ведут себя» весьма угрожающе или сбивают с толку, приходится встречать иначе, с умением, отличным от того, что требуется в обращении с инертными вещами. Успешные попытки совладать с такими явлениями — скорее героическое деяние, чем труд. Здесь утверждается доблесть, а не усердие.

В силу этого наивного разграничения инертного и одушевленного действия членов первобытной группы распадается на два вида, которые, пользуясь современным языком, можно назвать доблестной деятельностью и производственной деятельностью, или трудом.

Труд — это усилия, расходуемые на создание новой вещи, с новым назначением, которое, придавая форму пассивному, «грубому материалу», дает ей изготовитель; в то время как доблестная деятельность до той поры, пока ее исход полезен агенту, есть обращение на свои собственные цели сил, ранее направлявшихся на какую-либо другую цель другим агентом. Мы все еще употребляем выражение «грубый материал», в котором есть что-то от того древнего значения, которое варвар вкладывал в слово «грубый».

Различие между подвигом и низкой работой совпадает с различием между полами. Два пола различаются не только телосложением и мускульной силой, но и, возможно даже более решительным образом, темпераментом, а это, должно быть, рано стало поводом к соответствующему разделению труда. Общий круг деятельности, где можно совершить подвиг, приходится на мужской пол, представители которого крепче, крупнее телосложением, способнее к внезапному и сильному напряжению, более склонны к самоутверждению, активному соперничеству и агрессии. Различия в весе, характере физиологии и темпераменте среди членов первобытной группы могут быть слабыми; они действительно оказываются сравнительно слабыми и незначительными в некоторых наиболее архаичных из существующих сегодня и знакомых нам общностей — например, в племенах Андаманских островов. Но коль скоро различие функций начинается в направлениях, задаваемых различием в сложении тела и духа, исходные различия между полами будут усугубляться. Совокупный процесс отбора и адаптации к новому распределению занятий происходит быстрее, если место обитания либо фауна, с которыми группа людей находится в постоянном взаимодействии, таковы, что требуют значительной выносливости. Привычная погоня за крупной дичью требует больше мужских качеств, массивного телосложения, ловкости и жестокости, и поэтому она может углубить

разделение функций между полами. А как только группа людей вступает во враждебное взаимодействие с другими группами, расхождение в функциях будет принимать зрелую форму различия между доблестной деятельностью и трудом.

В такой хищнической группе охотников сражение и охота становятся функцией здоровых мужчин. Вся какая ни есть другая работа выполняется женщинами, при этом другие члены общности, которые непригодны для мужской работы, попадают в один разряд с женщинами. Однако и охота, и сражения, в которых участвуют мужчины, — занятия одного свойства. По своему характеру и те и другие являются хищническими; и воин, и охотник собирают урожай там, где не сеяли. Проявление ими своей силы и сообразительности явно отличается от той усердной и лишенной событий работы, которую выполняют женщины, занимаясь обработкой материалов; занятия мужчин надо считать не производительным трудом, а скорее приобретением материальных ценностей путем захвата. При такой деятельности мужчины-варвара, которая в ее развитом виде в корне расходится с женской работой, всякие усилия, не связанные с утверждением доблести, становятся недостойными мужчины. Когда такая традиция обретает устойчивость, общий здравый смысл возводит ее в канон поведения, поэтому для уважающего себя мужчины на этой стадии развития культуры никакое занятие и никакое приобретение невозможно нравственно, если оно не зиждется на доблести — силе или обмане. Когда в социальной группе в результате долгого усвоения привычки устанавливается хищнический образ жизни, общепризнанной экономической функцией здорового мужчины становится убийство, уничтожение в борьбе за существование тех соперников, которые пытаются противостоять ему или скрыться, преодоление и обращение в свое подчинение упорно заявляющих о себе враждебных сил внешней среды. Это представление

о различии между доблестной деятельностью и унылой работой укореняется так сильно и оказывается таким взыскательным, что во многих охотничьих племенах мужчина не может сам приносить убитую им дичь, а должен посылать жену, чтобы та выполнила эту более низкую функцию.

Как уже указывалось, различие между доблестной деятельностью и тяжелой, нудной работой есть вызывающее зависть различие между видами занятий. Те виды занятий, которые следует относить к разряду доблестной деятельности, — достойные, благородные занятия, другие виды занятий, не содержащие элемента доблести, и особенно те из них, которые предполагают услужение либо подчинение, — недостойные, неблагородные. Понятие о достоинстве, достойности или чести в применении к человеку или его поступкам является понятием первостепенной важности в развитии классовых различий, и поэтому необходимо кое-что сказать о его происхождении и значении. Его психологическую основу можно показать в общих чертах следующим образом.

Будучи объектом неизбежного отбора, человек является агентом деятельности. Он в его собственном понимании есть центр развертывающейся под действием побуждений деятельности — «телеологической» деятельности. Он — агент, стремящийся во всяком действии к достижению какой-либо конкретной, объективной безличной цели. В силу того что он является таким агентом, он наделен склонностью к работе, приносящей результаты, и испытывает неприязнь к напрасным усилиям. Он отдает себе отчет в достоинствах, которыми обладают такие качества, как полезность или результативность, и не видит достоинств в бесполезности, пустой трате сил или неспособности (к труду). Эту склонность или предрасположение к эффективным действиям можно назвать «инстинктом мастерства». Там, где традиции общественной жизни или обстоятельства приво-

дят к привычному сравняванию одного человека с другим по эффективности их действий, там в сопоставлении себя с соперником, в сравнении, вызывающем зависть, вырабатывается инстинкт мастерства. До какой степени это происходит, в известной мере зависит от характера населения. В той общности, где становится обычным такое основанное на зависти сравнение, демонстративное преуспевание как основа уважения становится целью, преследуемой ради нее самой. Проявляя свои способности в действии, человек обретает уважение и избегает порицания. В результате инстинкт мастерства выливается в соперничество и демонстрацию перед другими своей силы.

На ранней стадии социального развития, когда общество обыкновенно еще ведет мирный и, возможно, оседлый образ жизни, а система индивидуальной собственности еще не развита, наиболее полное проявление способностей отдельного человека может происходить главным образом в занятиях, направленных на поддержание жизни группы. Какую бы форму ни принимало экономическое соперничество между членами такой группы, оно будет касаться главным образом полезности членов общности в трудовой деятельности. В то же время побуждение к соперничеству невелико, а сфера его проявления ограничена.

Когда общество переходит от стадии миролюбивого дикарства к хищнической фазе, условия соперничества изменяются. Побудительные мотивы становятся более вескими и настоятельными, и сама возможность соперничества значительно увеличивается. Действия мужчин все более приобретают характер доблестной деятельности, а вызывающее зависть сравнение одного охотника или воина с другим становится все более простым и привычным. Трофеи — осязаемое доказательство доблести — занимают определенное место в образе мыслей людей как неотъемлемый атрибут существования. Захваченная добыча, трофеи охоты или налета начинают

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА I. Вводная	7
ГЛАВА II. Денежное соперничество	26
ГЛАВА III. Демонстративная праздность	37
ГЛАВА IV. Демонстративное потребление	68
ГЛАВА V. Денежный уровень жизни	99
ГЛАВА VI. Денежные каноны вкуса	110
ГЛАВА VII. Одежда как выражение денежной культуры	160
ГЛАВА VIII. Освобождение от производства и консерватизм	180
ГЛАВА IX. Сохранение архаических черт	202
ГЛАВА X. Современные пережитки доблести	234
ГЛАВА XI. Вера в удачу	263
ГЛАВА XII. Соблюдение обрядов благочестия	279
ГЛАВА XIII. Случаи сохранения незавищенного интереса	317
ГЛАВА XIV. Высшее образование как выражение денежной культуры	345